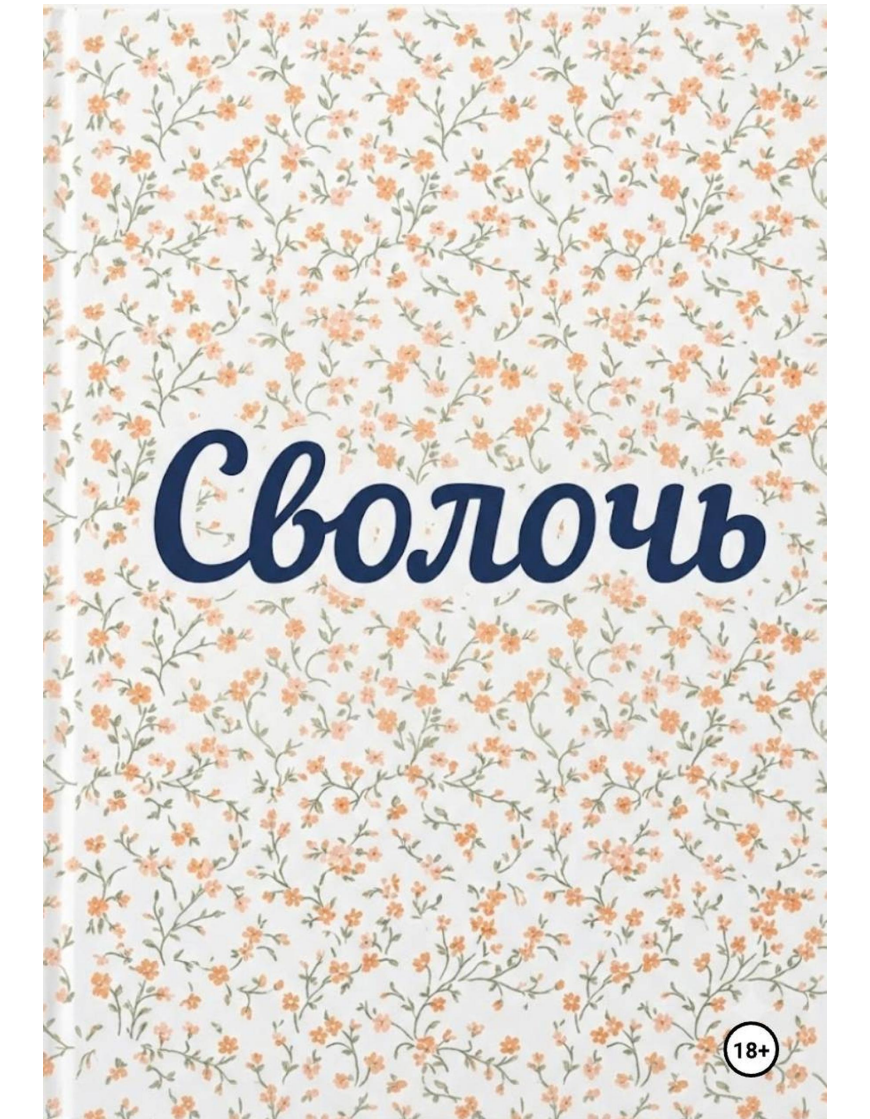

Сволочь

18+

Дмитрий Петров

Сволочь

<https://litres.ru/74215797>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Лучшая книга для вашего отпуска!» – Дмитрий Петров.

Иному покажи палец – он и рад поржать. Такому-то и книжка ни к чему, ему перед зеркалом весело. А вот рассмешить умного – задачка не из лёгких.

Острый ум требует остроумия. Тут нужен не топор, а скальпель.

Если вы вдоль и поперёк перечитали О. Генри, Гоголя, Довлатова, Чехова и ищите тонкой зубастой сатиры, небанальных сюжетов, ярких героев и мастерского слога – то вы по адресу.

Этот сборник новелл и не только выволакивает на свет то, что давно стоит высечь и высмеять. Тут оно названо по имени и доведено до закономерного конца. Посмеяться, задуматься, запостить в статус.

Название восходит к Денису Давыдову: «... обэскадронил всё, что мог, из своей сволочи и представляет команду эту на суд читателя...»

В начале – уже публиковавшееся, а после ознакомительного фрагмента – новое. Сволочь же.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	4
ЭКЛЕКТИКА	6
ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «КАЗАНОВА»	7
МАТЬ ГИГАГОДА*	10
БОЛЬШАЯ КУКУРУЗИНА	14
ДАЧА	17
ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ ВОЖДЯ	23
ЕСТЬ ЛИ В ЖИЗНИ МЕСТО ПОДВИГУ	31
МЫ С ТАМАРОЙ	37
ЛЁГКИЙ МИЛЛИОН	50
БАБУШКИН МАРКЕТИНГ	59
АЛИБИ (Без трусов)	63
БЫЛЬ (быль)	65
ПЕРВЫЙ ДРАФТ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дмитрий Петров

Сволочь

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Знаете, как некоторые писатели ставят в конце книжки дату и место снизошедшего на них вдохновения? Например: «Париж, 1965» или «Нью-Йорк, зима 1984-1985»... Скромным тоненьким курсивом. Это так трогательно и лично.

Однако редко кто напишет: «19 января 2025, посёлок городского типа Усть-Кичиганск», – но почему? Так себе местечко, да? Неохота было даже расчехлять перо?

Да всё понятно. Тщеславный автор желает придать своей фигуре международной значимости и ореола недосыгаемости. Одним словом – выпендриться, вот и важничает.

В моём сборнике всё по-простому. Этот материал я набирал в промежутках между написанием серьёзных романов, и потому теперь уж трудно установить, что где родилось. Когда же я вдруг заметил, что накопилось сильно и богато, то решил сволочь всё в единый сборник. Ну а чего, любоваться, что ли? Нет. Я не жадный и не гордый. Читайте, наслаждайтесь.

Дмитрий Петров

Архангельск, Москва, Санкт-Петербург, Подгорица, Стамбул, Нью-Йорк, Копенгаген, Рим, Калининград, Варшава, Лос-Анджелес, Париж, Люксембург, Бостон, Батуми, Мальмё, Чикаго, Прага, Берлин, Дубай, Веве, Мале, Боржом, Сан-Франциско, Лион, Болонья, Монте-Карло, Гданьск, Брюссель, Кембридж, Хельсинки, Берн, Милан, Лодзь, Амстердам, Парма, Вашингтон, Стокгольм, Венеция, Ницца, Анталья, Санто-Доминго, Воронеж, Цюрих, Абу-Даби, Братислава, Вена, Женева, Тбилиси, Лас-Вегас, Северодвинск, 2017-2026.

ЭКЛЕКТИКА

Начинаем с блока разноразных рассказов. Никаких правил. Что хочу, то пишу.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «КАЗАНОВА»

Жил в нашем городе Иван Кузьмич. Он умел строить дома, и за это его уважали и хвалили.

– Какой красивый дом! Кто это его построил?

– Это Иван Кузьмич. Только он такие дома умеет строить.

Ивану Кузьмичу было уже много лет, и вот он решил уйти на покой, а перед покоем построить последний дом лучше всех предыдущих. С этой целью он выиграл на аукционе самый дорогой участок в центре города. Мэрия окна в окна. Мэрия охотно приняла деньги Ивана Кузьмича и выдала документацию. Тут-то его и ждал неприятный сюрприз.

– Это что же такое? – спросил Иван Кузьмич, – откуда ограничения? На аукционе ничего такого не говорилось.

– Аукцион – это одно, а принятый генплан – это другое, – ответили ему с казённой улыбочкой.

– Но ведь это будет очень плохой дом, а я хотел построить лучший! Смотрите, какой.

– Мы на наш генплан потратили миллион бюджетных денег. Вы что, хотите, чтоб это всё было зря? Не задерживайте.

Иван Кузьмич знал свои права и стал писать куда надо.

Оттуда ему отвечали в законные сроки:

«Ввиду отсутствия присутствия целесообразности».

«Не обеспечивает устойчивого развития».

«В том числе не стоит на повестке».

«Раньше надо было думать».

Иван Кузьмич был человек со связями и пришёл к главе. «Разберись, – говорит, – хочется же красивый дом. Смотри, какой». Глава выстроил всех своих по стенкам и стал топтать ногами, стращать насчёт коррупционной составляющей. Потом припомнил указы президента. Иван Кузьмич всё слушал и всё понимал. В месте про президента он сразу догадался, что мэр сейчас вот-вот сольётся. И мэр так и сделал. А Ивану Кузьмичу через неделю пришёл ответ: «Стройте, как написано, или не стройте, если не хотите, у нас желающих и без вас полно».

Прошло уже полгода, и Иван Кузьмич устал платить аренду за пустую землю.

– Посмотри-ка, голубчик, – сказал он своему архитектору, – что туда вообще влазит.

Архитектор поступил как Микеланжело – отсек всё лишнее. Завёл самый лучший дом в компьютер и наложил все мэрские запреты в специальной программе. И тут на экране показалось что-то такое неприличное, что даже сначала подумали, что компьютер сломался. Перепроверили – нет, всё сходится.

– Ну, раз мэрия требует, то закон есть закон, я считаю, – заключил Иван Кузьмич.

Разрешение на строительство получили очень быстро. Уже в этот раз всё было по генплану. В самом центре города, мэрия окна в окна, началось строительство жилого комплекса «Казанова». Другое название не рассматривали.

Народу этот дом сразу очень понравился.

– Молодец, Иван Кузьмич, – говорили люди, – очень выразительная архитектура.

Квартиры в доме продавались без всякой рекламы, а слава о нём разлетелась по всей стране в мемах и шуточках, наверняка и вы тоже видели. И про «поднимается на глазах», и про «достопримечательность», и про «доставляет удовольствие горожанам и гостям».

Дом сдали, мэрия всё молча подписала. Так и стоит, извините за выражение. Миллион бюджетных денег на генплан потрачен не зря.

Иван Кузьмич ушёл на покой и больше ничего не строил. Свой последний дом он так и не полюбил. А на первом этаже, мэрия окна в окна, он открыл секс-шоп под названием «Устойчивое развитие». Другие арендаторы не рассматривались.

МАТЬ ГИГАГОДА*

*гигагод (англ. gigayear) — единица времени, равная одному миллиарду лет.

Вы всё ещё верите в мудрость матушки-Природы? Что в её устройстве есть замысел? Не замечаете очевидных ляпов? Блин, да вы что?

Возьмите акулу. Безжалостный хищник, машина для убийства. Но перевернёшь её на спину – не работает – контакты заливает. Не дашь ей плыть – помрёт – жабры схлопываются. Будто мать Природа в какой-то момент охладела к своей дочке и бросила недоделанную в океан. Вообще не понятно, как эта особа может называться матерью.

Вы в курсе про деревья? О, деревья были её любимчиками! Представляю, как она любовалась своим творением. Листики, плоды, прохладная тень... А по сути из земли торчит бревно. А по земле пресмыкаются всяческие гады и прочие эукариоты. В один день они стали сиротами. Родная мать посадила все их любимые вкусняшки на длинную палку и подняла к небу. Разве только раз в год по случаю урожая с веток что-то свалится. Да, детишки, ваша мама вас разлюбила. Теперь всё лучшее – деревьям. В глубине души Природа понимает, что получилось немножко высоко.

– Ладно, я что-нибудь придумаю, – решает она.

И вот через 100-150 миллионов лет к дереву подходит жираф.

– Теперь всё заработало как надо, – радуется Природа.

Жираф регулярно подравнивает дерево. Урожай больше не пропадает. Всяким гадам и эукариотам продукт достаётся ежедневно, пусть и в переваренном виде. Такова судьба нелюбимых. Вроде бы всё прекрасно, пока жирафу не надоедает сухомятка. Он подходит к речке и становится раско-рякой. Мать внимательно следит. Переживает, как сработает питьевой насос, которым она оснастила деточку. Собирается публика.

– Бедный ребёночек! Такой молодой, а уже инвалид...
Мамаша, что вы его мучаете, дайте ему стакан!

– Я в советах не нуждаюсь! Я его альтернативно одарила!

– АМ!!! – пока я же мать Природа скандалит, жирафа утаскивает под воду крокодил.

Природа решает оставить всё как есть. В конце концов, и крокодилам надо чем-то питаться, они же дети, вот им большая и неуклюжая добыча. Кстати, насос работает.

– Мамаша, ваш сын выпрыгивает из речки и пожирает любого, кто приблизится!

– Пока он сытый, он никого не трогает, пейте, сколько влезет! – огрызается Природа. Её мысли всё ещё заняты деревьями.

Проходит ещё 100-150 миллионов лет. Прямо с небес, кружа, спускаются звонкие птахи. Они садятся на самые вы-

сокие ветки, клюют самые сладкие ягоды, до которых даже жирафу не достать. (Отлично, значит, можно сделать дерево ещё выше!) Гадам и эукариотам продукт достаётся ежедневно. Всё работает. Но одна птичка летит куда-то мимо дерева...

– Мамаша, ваш ребёнок сидит на пенисе жирафа!

– Он наказан, а вы не лезьте в воспитательный процесс!

Природа любит на дерево, жирафа и птичек.

– Так они мне всё тут обожрут! – скоро понимает она, – Сделаю какую-нибудь кошку.

Проходит ещё 50 миллионов лет. Кошка карабкается на дерево, хватает птичку и очень кстати распугивает остальных. Природа может гордиться собой. Проект «дерево» выходит на самоокупаемость. Стоп! Нет, не выходит.

– Киса! Киса, прыгай сюда, не бойся!

Оказывается, кошка умеет вверх по дереву, а вниз нет. Вцепилась в макушку и мяукает.

– Неужели я забыла сделать задний ход?

Мать гигагода снова кумекает, чем помочь своему чаду. Как обычно за счёт других чад, потому что дети должны расплачиваться за грехи своих родителей, так уж у неё заведено.

– Придумала! – наконец восклицает она, – Вот мне и пригодятся эти, которым я не дала ни клыков, ни когтей. Соберу-ка я из них пожарную команду. На это мне понадобится каких-то пара миллионов лет.

Теперь вы понимаете, почему Природа не заставила дере-

вьями всю планету. Да потому что она сама поняла свою глупость! Как было бы идеально размазать живность по планете ровным слоем таким бульоном, но нет, ведь наша мама инженер.

Что? Вы мне не верите? Птицы были раньше жирафов? Даты не совпадают? Я вас умоляю! Поменьше верьте ископаемым. Природа прекрасно замечает следы своей глупости, ей ничего не стоит подменить исполнительную документацию.

Откуда я всё это знаю, спросите вы меня? С какой стати осуждаю великий замысел, хаю нашу общую мамочку? Всё очень просто. Разрешите представиться: я её новейший любимый проект. Последнюю тысячу лет она занимается исключительно мной и, похоже, только входит во вкус. Я жертва чудовищного по своей глупости эксперимента. Комплекс неполноценности на жидких ножках. Попытка создать тварь дрожащую из волка и росوماхи, чтоб порадовать вас двуногих. Я чихуахуа.

БОЛЬШАЯ КУКУРУЗИНА

Дело было в те далёкие времена, когда страной правил со своими бесконечными фантазиями энергичный Никита Сергеевич Хрущёв. И пошла весть во все концы: «Догнать и перегнать Америку! Сажать кукурузу, царицу полей, она вкусна, полезна и питательна».

Все концы – значит, всей земли одна шестая без исключений. Хрущёв тогда как раз отменил северные надбавки, а стало быть, и районы, приравненные к крайнему северу участвуют. Чем они хуже черноземья? Будут с Архангельска спрашивать, как с Воронежа. А у нас же на севере если что хорошо и растёт, так это хрен. Многие тогда растерялись. Многие, да не все.

Опытный директор совхоза «Заря Арктики» Иван Иванович Кузин ничуть не смутился, а отрапортовал наверх о своём бескомпромиссном согласии:

«Надо посадить – посадим. Никакой беды в этом нету. Давайте план – мы перевыполним. Сколько надо в гектарах? Дадим вдвое больше. Если придётся – даже хлеб сажать не будем».

И действительно, хлеба в тот год не сажали. Все посевные мощностя – царице полей.

Долго ли, коротко ли, а дело к осени. Кукуруза поднялась

не очень-то. Москва же тем временем стала интересоваться промежуточными результатами, потому что как же без контроля. Всё строго. Покажите, говорят, нации её будущую гордость.

Есть ведь такая примета: осень – скоро шапки полетят. Многие тогда приуныли. Вон, в Краснодаре какой поднимают урожай, а северяне, выходит, подведут страну? Вредители. Многие приуныли, да не все. Опытный директор совхоза «Заря Арктики» Иван Иванович Кузин снова ничуть не растерялся.

«Во-первых, велено было посадить. И с этим вызовом наш совхоз достойно справился. Если же теперь говорят, что нужен результат, то это, конечно, уже совсем другой вопрос, но мы не привыкли отступать – это во-вторых. Дадим!»

А на пороге уже стоит фотокорреспондент из «Сельской жизни» и переминается нетерпеливо – у него тоже план. Вышли на поле. Кукуруза – позор один. Дохлые метёлки торчат чуть выше пояса. У фотокора физиономия кислая, а наш директор ничего – даже не покраснел.

«Ложись-ка, ты, братец, в межу, – командует он гостю, – да сними-ка меня вот так!» А сам встаёт на колени промеж стеблей и оказывается головой как раз вровень с кукурузными верхушками. И лицо играет такое, будто только что из космоса вернулся.

Фотокор не удивился – он за годы службы и не такое видал. Щёлк! Кадр получился отменный. Иван Иванович мгно-

венно сделался кумиром миллионов. Сажал кукурузу, а пожал лавры. И на груди его очень скоро заблистала звезда Героя Социалистического Труда. Стали его звать на радио, в пионерские лагеря и в разные президиумы.

Казалось бы, должна была в конце концов вскрыться хитрость Ивана Ивановича, ведь кукурузу-то по осени взвешивают. Однако к тому времени, поглядев на промежуточные результаты по всей стране, кукурузу из столовой культуры без лишнего шума разжаловали в кормовую, а заодно скорректировали план.

Когда «Заря Арктики» взвесила свой урожай, получилась как раз норма. Даже не пришлось мешать с кореньями и с дерьмом – а с ними-то ещё процентов пятьдесят сверху дали бы.

Скотина даже не заметила разницы и скушала царицу полей, как едала раньше сено, брюкву или комбикорм. С одинаковым результатом.

Иван Иванович же Кузин попал в Верховный совет. А хлеб в тот год страна советов закупала в Канаде.

ДАЧА

Я уж думала, что не в этой жизни. Как вдруг.

Мама сунула мне сложенный листик и умирающим голосом прошептала:

– Таня. Я приняла решение продать нашу дачу. Ты не могла бы поместить объявление? – и отвернулась, не в силах сдержать слёз.

Сутки я приходила в себя от радости, но довольно. Дача сама себя не продаст. Итак, что мы имеем...

«Продаётся ухоженная дача с хорошей аурой».

Блин, разве может быть хорошая аура у места с таким названием? Хоть карты и именуют нашу деревню Залахотьем, а людей не обманешь. Эту дыру кроме как Залохотьем отродясь никто не называл. Жопа мира, где по какому-то недоумению до сих пор останавливается теплоход.

Первое детское воспоминание. Мне три с половиной года, я несу чайник. Каждую осень мы вывозили с дачи весь скарб как в последний раз. Несмотря на это каждую зиму дом умудрялись обворовать. Каждой весной мама искренне удивлялась, и снова мы завозили обратно чёртов хлам. Я, мама, бабушка. Таков был, сколько я себя помню, непреложный ритм нашей однополой семьи.

«Участок разработан, очень плодородный и сухой».

Ребята, это шестьдесят четвёртая параллель, о каком земледелии речь? Впрочем, судя по переполненным теплоходам, это ни разу никого не останавливало. Мама верила в агрономическую науку. Каждую осень мы ходили на ферму воровать навоз из-под коров. Представьте себе изумление бурёнок, когда им становился понятен предмет нашего интереса. Завидев мою маму с детской коляской вместо тачки, коровы старались поскорей посрать и отойти на приличное расстояние. Моей задачей было отгонять быков. Оно того стоило. На глинозёме с дерьмом напололам урожайность вырастала вдвое. Поле давало за сезон восемь вёдер картошки вместо четырёх. С весенним паводком дерьмище уплывало в Ледовитый океан, поэтому наша дружба с коровами длилась годами, пока их всех не забили.

У мамы с математикой всё было нормально, она её сорок лет преподавала школярам. Жаль, это была не логика. Ежегодно мама выписывала на тетрадный листок дебет с кредитом, считала столбиком, подводила черту и вздыхала: «Ещё два таких года, и наша дача нас разорит...» Тем не менее, весной она уверенно делала новый шаг навстречу банкротству.

«Хорошие соседи».

Когда это они похорошели? Помню детство голожопое.

Тётя Света манит пальчиком, протягивает конфетку. У неё кот, пёс и золотые зубы. С ней весело и не надо грядки поливать. Вечером рассказываю маме с бабушкой, какие мы выучили стихи:

Вышел зайчик на крыльцо
Почесать своё яйцо...

Когда зайчик не нашёл, чего искал, мне вымыли язык с мылом и велели забыть этот стишок немедленно. Я, разумеется, запомнила на всю жизнь.

Тёти Светы больше нет. И вообще никого больше нет. Кстати, тоже преимущество. Лучшие соседи – когда нет никаких соседей. Оставляем.

«Всего пять километров от центра».

Между прочим, это правда. Полчаса пешком прогулочным шагом. Хотя вообще-то я и быстрее добегала. Потому что если медленнее идти по ледяной реке, то можно и задницу отморозить.

«Полчаса на комфортабельном теплоходе».

Конечно, не на вёслах, это уже комфорт. Но, вы знаете, я своих детей уже семь лет на эту дачу не пускаю под различными предложениями, а причина-то одна. Эта утлая тошнотная посудина, по которой газорезка плачет. Каждый третий рейс

она спотыкается на середине реки с двумя сотнями заложников на борту. И ты сидишь, снова пропуская «Утиные истории» и «Чип и Дейла», но другого детства, девочка, для тебя нет.

«Круглогодичный подъезд к дому».

Тут мама, конечно, загнула. Не мешало бы уточнить, что предложение действительно для вертолѐта, вездехода-амфибии или судна на воздушной подушке. Но не соврёшь – не продашь, так что оставляем.

«Песчаный пляж. Ваши дети будут в восторге».

Мне было двенадцать. Вылив на неродящие грядки три куба воды и натаскав столько же в баню, я заслужила увольнительную на полчаса искупаться. Плавать меня никогда не учили, это считалось опасным. Вдруг куда-нибудь заплыву и утону. В речку не разрешалось заходить глубже, чем по колено, но мне больше и не хотелось.

Я легла в мелкую воду и закрыла глаза. Как хорошо. Секунд через пять захотела подняться и вдруг не нашла под собою дна. До берега рукой подать, от силы метров шесть. А я ничего не могу. Ни кричать, ни двигаться, ни-че-го. Потом белый свет отключился... Потом включился. Я на берегу. Боженька решил, что мне пока рано, и послал мне мастера спорта. Серёженька, если ты читаешь это объявление, то только потому, что в тот день вытащил меня, спасибо тебе,

мой хороший! Ну вот, заплакала. А в тот день вообще не слезинки, всё буднично. Вылезли, посидели, я прокашлялась. Посмотрели друг на друга и пошли в дом чай пить. Потом неделю что-то болело в груди, наверное, диафрагма.

Маме я так и не сказала. Испугалась в итоге виноватой оказаться. Впрочем, когда через пятнадцать лет мама уронила в ту же речку с мостика внука, она тоже со мной этим не поделилась. Ребёнок мне потом сам рассказал, когда говорить научился.

«Имеется баня в хорошем состоянии».

Баня-то хорошая, просто изумительная. Только воды в ней нет. Зато есть коллоидный раствор с илом и песком, который Таня таскала вёдрами с речки. Потом каждый раз с неделю вымывала из волос. Но мама говорила, что вымывать не надо, ил полезный.

А однажды под предлогом попариться в баньке мама согласовала мне привезти на дачу парня. У нас всё было серьёзно, я, между прочим, его рассматривала в качестве избранника. Мама же рассматривала его в качестве трудового десанта. Парень наколот дров, поправил забор, переложил печь, построил сарай и, в общем, заслужил если не прекрасную принцессу, то хотя бы чтоб ему кто-то спинку потёр. Тем временем мама вероломно захватила баню и установила там новые порядки. Мол, в их деревне мыться ходят только по одному, а то опасное дело, может случиться какой-ни-

будь грех. Это было неслыханно. Мне уже стукнуло восемнадцать, какого чёрта она влезла в мою личную жизнь? Кроме того она меня подставила, я из-за неё человека подвела. В общем, грех случился на лугу, на заброшенной ферме, на пляже и в речке. В речке мы уже оба не хотели, но грешили назло, из принципа. Так что, кстати, да. Если кому надо место для прелюбодеяния, то лучше этой дачи не сыщешь.

«Цена»

Это самое интересное. Мама просуммировала вложения за последние тридцать лет с учётом инфляции, прибавила ожидаемый урожай и свой проездной на теплоход до конца года. У неё набежало пять миллионов рублей, но она, так уж и быть, готова скинуть в десять раз. Я прожала её ещё вдвое, и получилось двести пятьдесят тысяч. Боже мой, я столько в неделю зарабатываю. Может, заплатить их маме и сказать, что дача успешно продалась? Только надо для правдоподобности потянуть пару месяцев, а то не поверит.

А если серьёзно... Скажите честно, вы ожидаете, что я в порыве ностальгии по прекрасным дням детства уговорю маму не расставаться с этой дачей? Так вот, этого не будет! Размещаю. Торг уместен. И если за три месяца она не продается, я сожгу её нахрен дотла.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ ВОЖДЯ

– А сколько дублей вам понадобилось?

– Ты хотел спросить, сколько съёмочных дней?

Зал взрывается смехом.

– Ах вот как? – отыгрывает ведущий. – И кто же из вас тянул время? Ты или он?

Звезда слишком загадочно улыбается и слишком картинно снимает с юбки невидимую пылинку. Публика ревёт от восторга.

– Понимаю! – кивает ведущий и ещё раз с тоской смотрит на экран. – Уж я бы точно потратил на эту сцену не меньше смены.

– На его месте, или на моём?

Новый взрыв хохота, и ведущий театрально негодует:

– Знаешь, что? Половина (если не больше!) из присутствующих здесь дам ради поцелуя с Джорджем Клуни не задумываясь разведётся с мужем, я прав?

Преобладание женских голосов однозначно подтверждает: Джимми Фэллон прав.

– Страшно подумать, на что способны присутствующие здесь джентльмены... – парирует звезда. Её слова вызывают

в зале мужскую овацию, а Джимми мягко подводит гостью к запланированной «импровизации»:

– В твоих руках приз за лучший экранный поцелуй года, а ты ведёшь себя так, как будто бывало и получше! Мы должны в это поверить? – зал наполняется весёлым возмущением. – Что ж, тогда назови нам этого человека!

Публика поддерживает требование Джимми дружным улюлюканьем. Звезда дожидается, пока стихнет гам, и тихо дразнит:

– Назвать?..

Зал ревёт от восторга, и ведущий властно вздымает руки:

– Леди и джентльмены, я требую полной тишины! Впервые во вселенной Анджелины Джоли расскажет о поцелуе, по сравнению с которым поцелуй с Джорджем Клуни встанет на второе место!

Некоторое время уходит на установление порядка.

– Это было в годы моей юности...

– На заднем сидении папиной машины?

– ... в далёкой Москве.

– Где?!

– На Красной площади.

– Ты шутишь!

– Это был промотур к фильму «Красная клюква».

– Но в каком году?

– В девяносто пятом.

– Боже... – Джимми недоверчиво смотрит на восхити-

тельную Анджелину и начинает что-то считать в уме.

– Только попробуй, и я тебя придушу! – остерегает она его. Джимми смиренно подчиняется и зашивает свой рот невидимыми нитками.

– Моя первая поездка в качестве начинающей звезды. Мне всё было страшно интересно: люди, традиции, архитектура... – и меня дико расстраивал наш график: встречи, показы, интервью – никакого личного времени, и под конец я просто запаниковала, что так и не прочувствую никакого русского вайба.

– Какой ужас!

– Поэтому утром нашего последнего дня в России я пожертвовала завтраком и, никому ничего не сказав, сбежала из гостиницы. В моём распоряжении было не больше часа, но я быстро поняла, что не воспользуюсь им всем. На улице стоял ужасный мороз – ноль по Фаренгейту. Это такое погодное явление, русские называют его «kreshcheniye».

Джимми, ёжась, поднимает воротник.

– Но зато у нас был самый престижный отель, окна на Красную площадь, так что я уже знала, куда направлюсь за впечатлениями. И вот там-то ко мне подошли эти двое... Один в кепке, а другой с трубкой.

– Какая удивительная парочка. Кто же это такие были?

Звезда томит аудиторию на медленном огне, прежде чем окунуть в ледяную воду.

– Ленин и Сталин.

Зал в шоке. Ведущий держит комическую паузу, вновь что-то считает в уме и спрашивает:

– Ты хочешь сказать, что застала живого Сталина?

Гостья вздыхает: «Молись, Джимми!» – и тянется душить заигравшегося шутника. Публика смеётся, но быстро стихает – все заинтригованы.

– Так вот, – продолжает звезда, – эти двое буквально напали на меня. У них был полароид, и они по очереди кричали мне: «Дружба, водка, скажи сыр», – и без остановки фотографировали.

– А ты?

– Ну, меня всё это дико развеселило, я даже с удовольствием им попозировала. И вдруг в какой-то момент этот Сталин двумя руками схватил меня за голову и прижался своими губами к моим. Это было неожиданно.

Ведущий и весь зал замирают в ожидании, а звезда замолкает, как будто закончила рассказ.

– И?

– И Ленин нас сфотографировал.

– Нет, мы хотим знать, каково это!

– Что?

– Как что?! Целоваться со Сталиным, конечно!

– Ах, это... – звезда брезгливо морщится. – Не люблю курящих мужчин. А самое ужасное...

Разумеется, она даст публике вдоволь просмеяться и только потом продолжит:

– ... а самое ужасное, что затем они вдруг предложили мне выкупить эти снимки! Или даже нет – поставили перед фактом, что я должна за них заплатить, и при этом потребовали такие гонорары, до которых я сама до сих пор не доросла.

Всеобщий вздох возмущения.

– И как же ты поступила?

– Я прикинулась, что не понимаю ни слова «деньги», ни слова «доллар».

– Актриса!

Смех в зале.

– А ты не подумала рассказать им, что ты голливудская знаменитость, и что это они должны доплатить за фото с тобой?

– Честно говоря, в те годы я совершенно не считала себя звездой. Даже в том проматуре мне всё время казалось, что кто-то вот-вот меня заметит и скажет: «Девочка, ты чего здесь делаешь? А ну-ка иди домой!»

Джимми сочувственно кивает и вдруг озаряется внезапной догадкой:

– Подожди-ка, это ведь не был твой первый поцелуй?

Смех в зале.

– Точно нет. Но, возможно, это был последний поцелуй Сталина.

Снова смех и Джимми печально спрашивает:

– Значит, у тебя не сохранилось этих кадров?

– Думаешь, я зря тогда пожадничала?

– Наверное, они стоили бы сейчас целое состояние. Юная Анджелина Джоли в объятьях Сталина. Как ты думаешь, сколько хранятся копии в архивах Кей-Джи-Би?

Звезда очаровательно смеётся, публика тоже смеётся, камера на кране делает круг над залом и возвращается к уже поднявшемуся ведущему.

– Анджелина Джоли, леди и джентльмены!

Звезда шлёт воздушный поцелуй, музыка, аплодисменты, время рекламы, экран затемняется, ролик заканчивается.

Смартфон выпал из руки Григория Собакина. «Крещение... это какое число?» – и он чуть не подавился трубкой, забыв, что держит её во рту. Вскочил с дивана, но тут же плюхнулся обратно. В глазах потемнело. Всё под двести: и пульс, и давление, и сахар.

Площадной Сталин. На такой важный пост в самом сердце Родины случайных людей не брали. Григорий Собакин – оперативный псевдоним «Красный вождь» – прошёл суровый отсев: образование, биография, физическая и политподготовка, психологический профиль. Был и полиграф. Ну и самое важное – параметры внешности: орлиный нос, усы, прищур. Ухватил судьбу за бороду, казалось Собакину тогда. Госслужба! В его-то возрасте. Мундир генералиссимуса, бесплатный табак, пропуск в туалет Мавзолея. Но и ответственность: строгие отчёты, ежегодная аттестация, а весь

отснятый материал подлежит хранению в течение тридцати лет. Зачем? Он не спрашивал. Надо – значит надо. Правда, спецместа для хранения ему не отвели, сказали импровизировать. Но теперь срок вышел!

Вроде полегчало. Собакин поспешил к антресолям. Сам не понял, как оказался на табуретке – он так не рисковал уже лет пятнадцать. Натужился и вытащил на себя ящик с коробками карточек. Подпёр грудью, зафиксировался. Так... девяностые... девяносто пятый... январь... Собакин копался в датах непослушными пальцами и не мог ничего разобрать, потому что в глазах стояли обещанные Джимми Фэллоном миллионы.

Четверть века на ногах – и ради чего? Диабет, артрит, тромбофлебит... Пережить трёх Лениных и одного Ельцина, чтобы с утра до ночи пялиться в смартфон, как тупой подросток? А эта Джоли – ведь она уже лет двадцать как звезда... или больше... и можно было уже давным-давно жить припеваючи, а не вот это вот всё, пока ещё ноги слушались, пока ещё... Пятнадцатое, шестнадцатое, семнадцатое... Вот оно! Девятнадцатое...

Вокруг Собакина заплясали пальмы, коктейли и знойные мулатки.

Его тело нашли спустя неделю. Сухая строчка протокола подвела итог собакинской судьбы:

«...уронив на себя предмет (ящик), получил травмы, не совместимые с дальнейшей жизнью».

Никому не пришло в голову раскрыть коробку с надписью «19/01/1995», которую Красный вождь сжимал в окоченевшей руке.

ЕСТЬ ЛИ В ЖИЗНИ МЕСТО ПОДВИГУ

«При аварии разбить стекло молотком». С тех пор как Павлик научился читать, ему не давала покоя эта табличка. Ездил в садик и представлял себе: «Вот будет авария, все кругом как испугаются, как растеряются, а я вскочу на сиденье, сорву молоток и разобью стекло и всех спасу». И старался держать молоток в поле зрения на всякий случай.

Однажды авария случилась. Автобус на гололёде слегка догнал предыдущий. Тюк. И почему-то никто не испугался и не растерялся. Все вышли через дверь, как и вошли. И Павлик с папой вышли и шли к садику пешком лишнюю остановку. И в садике никого не впечатлил его пережитый опыт катастрофы. Вот если бы он тогда разбил это стекло...

Когда в школе проходили первую помощь, Павлик и товарищи представляли себя отважными спасателями. Особенно на водоёмах. Пока не дошли до искусственного дыхания. Здесь они были возмущены до самых глубин своих отроческих душ.

— Нет, я её, конечно, вытащу, но рот в рот?! Это давайте кто-нибудь сами...

Без языка спасать утопающих по-прежнему готовы были

все. Что ни говори, а совершить подвиг каждому охота.

Потом Павлик вырос и стал обычным человеком со своими недостатками и слабостями, заурядным и даже скучным. Но в минуты катаклизмов и катастроф Павел превращался в супермена. Ничего с собой поделат не мог. Оценка ситуации, молниеносное принятие решительного решения, безотлагательные действия. В нём всегда жила детская мечта о подвиге. И однажды судьба подарила ему шанс.

Ехал он раз с зимнего озера, ничего не поймав. Ехал последним, за ним машин уже не было. Смеркалось. Смотрит, стоит фигура на сугробе. Пешеходы на зимнике обычно так и делают – залезают на сугроб, чтоб машину по колее пропустить, но этот стоял очень задолго. И так странно, будто равновесие ловил. Пьяный, наверное. Неохота связываться. До деревни-то всего метров пятьсот, уж дойдёт. Но Павел остановился.

– Что случилось, дед?

– Ревматизм. Ноги не слушают...

Оказалось, дед пропадает. Слёзы на щеках замёрзли.

– Давно стоишь?

– Не знаю... Давно.

Погрузил Павел деда в машину, отогрел, отвёз домой, передал в руки лично бабке. А то замёрз бы насмерть. Получается, самый настоящий подвиг. Спас от неминуемой. Жизнь прожил не зря. Но что не так?

Нет Павлу покоя. Вот кто узнает, что это действительно было? Это как в садике. Не разбил стекло молотком – не считается. Дело даже не в награде, а в каком-то... доказательстве. Имеет право человек на здоровое тщеславие? Что ж теперь, возвращаться, стучать в избу?

– Напиши мне, деда, комментарий в личном аккаунте, мол, благодарю за самоотверженное спасение. Или давай я завтра с телевидением приеду, ты пару слов скажешь...

Бред, конечно. А кроме того... никакой аварии не было, своей жизнью Павел не рисковал. Просто подобрал в лесу пассажира. Так любой таксист может. В следующий раз надо более геройский подвиг. И однажды судьба вновь вспомнила о нём.

Однажды Павел отвёл дочку во Дворец пионеров на кружок. Сам пока шатался по коридорам, ностальгировал. Вдруг, чу! Из открытого кабинета валит чёрный дым, трещит огонь. И никого нет.

Оценка ситуации, принятие решения. Сигнализация, огнетушитель, эвакуация. Павел сделал всё как по учебнику.

Думал, грамоту какую-нибудь дадут на память. Ничего. Слишком рано затушил, пострадавших нет. Смешной подвиг-то. Дети с родителями расходились недовольные: из-за какой-то ерунды эвакуироваться. Разве это пожар? Так, задымление. Подумаешь, кулер замкнуло. Ну и какой ты герой? Даже не вспотел. Если тушишь пожар в зародыше, это

не подвиг.

– Здравствуйте! Запишите, пожалуйста, мою фамилию. Это благодаря лишь моим безотлагательным действиям огонь не распространился. По моим подсчётам число жертв трагедии могло достигнуть ста сорока пяти человек.

Глупо было бы подходить к пожарным с такой просьбой. И Павел не пошёл. Слишком тщеславных героев не уважают. С другой стороны, незапротоколированный подвиг не считается. Значит, опять незачёт. В следующий раз надо, чтоб пожар достаточно разгорелся. И чтоб пострадавшие были. И желательно на камеру снимать. Через некоторое время судьба снова вспомнила о Павле. Наверное, ей и самой уже стало интересно.

В третий раз место подвигу снова застало Павла в дороге. Машина перед ним вдруг ушла в крутое пике и через встречную полосу прыгнула в канаву, как Керинейская лань.

Оценка ситуации, принятие решения, и Павел спешит на помощь. Машина на боку, наполовину в воде. Двери заклинило. Павел бьёт стекло, вытаскивает одного за другим. Шевелятся, значит, живые. Пятого рулём прижало, уже лицо под водой. Вытащил. Не дышит. Разложил на траве, освободил грудь, стал реанимировать. Рот в рот.

Наконец-то настоящий подвиг! (Два вдоха на тридцать нажатий). И авария, и пострадавшие, и регистратор всё снимает, и стекло разбил.

– Э, ты чё делаешь, петух? Отойди от Серёги, слышь?! – Павел услышал над собой пьяный голос и тут же получил ногой в лицо. Когда прошли искры в глазах и звон в ушах, он увидел, как хозяин ноги склонился над тем, кого называл Серёгой.

– Уже раздел наполовину! – возмутился он и снова замахнулся на Павла, однако пошатнулся, не удержался и с размаху грохнулся задницей прямо на грудь своего бездыханного друга.

– Ох! – реанимируемый ожил. – Ох! – он заползал, поднялся на четвереньки, потом на ноги.

– Братка, братуха, братиша, ты как, как ты? – запричитал второй.

Серёга уставился на машину и разинул рот. Затем чуть-чуть подумал и спросил:

– А какая сука мне все стекла разбила?!

Сориентировались быстро. Больше не на кого было подумать.

– Как же так? – только и успел сказать Павел. Надежд на признание своего подвига он уже не питал. А регистратор всё снимал и снимал.

К приезду ДПС Павел уже и сам был пострадавший и многое осознавший. Он твёрдо решил в следующий раз спасти только тех, кто не может дать сдачи. Пожалуй, котят или щенят. Трезвых. И надо, чтоб кто-то на видео снимал, иначе опять не засчитается.

МЫ С ТАМАРОЙ

– У тебя и так нормальная зарплата. Для женщины.

– Но я делаю больше, чем другие!

– И что? Ты переломилась, что ли? Это называется командная работа.

– А почему за командную работу Кашин больше получает?

– Он мужик, ему семью кормить. А тебе куда деньги?

И шеф выставил растерявшуюся Таню из кабинета. Глубоко дыша, чтоб не расплакаться по пути, она добралась до своего места.

– Отказал? – догадалась Надя. – Блин, Танька, вот он сволочь. Ведь на тебе же реально всё держится.

И как Наде не хотелось сейчас расстраивать подругу, была ещё одна новость.

– Такое дело... Звонили клиенты, которые долбанутые, говорят, мол, эта ваша Тамара Андреевна всё нам напортила, тупая, ничего не понимает...

– Это они про кого?

Надя плечами, губами и бровями показала, что «известно, про кого». Это стало последней каплей. Таня наконец разрыдалась.

– Я же за ними как за детьми малыми ходила! Я же им

десять миллионов сэкономила на этой поставке...

Пришлось подходить, обнимать и успокаивать:

– Ну чего ты паришься? Я так считаю: раз они недовольны какой-то Тамарой, то пусть она им всё и делает! Уроды комнатные.

– Сейчас она им и сделает! – Вдруг прорычала Таня, вытерла слёзы рукавом и села за компьютер. До конца дня она никого к себе не подпускала и лишь кивала, когда коллеги, прощаясь, расходились. Никто не удивился, что она осталась сверхурочно. Не в первый раз.

«Что-то не то», – почувствовала Таня, войдя следующим утром в офис. Станные взгляды. Тягостное ощущение. Пару раз ей будто бы слышалось: «Идёт! Идёт!» У Нади был ворох новостей:

– Ты где ходишь? Шеф визжит, как поросёнок! Клиенты, которые тебя Тамарой назвали, сегодня нажаловались, что ты им гадостей написала...

– Что я им написала?

– Я не знаю, у меня нет доступа к твоему компьютеру!

– Что, Я им написала?! – Таня по-всякому переставляла ударение в этой фразе, потому что новость была со всех сторон из ряда вон. Наконец они добрались до электронной почты и правда нашли интересное исходящее. В послании клиентам присваивались краткие, но меткие характеристики, а также указывался дальнейший путь. Образно выража-

ясь. Письмо оканчивалось фотографией, на которой не кто иная, как отправительница демонстрировала средние пальцы обеих рук.

– Это же не я?.. – с надеждой спросила Таня.

– Ну, по крайней мере подпись не твоя... – поддержала Надя.

И действительно, в конце красовалась подпись: «Бест регардс, мазафака! Тамара Андреевна».

– Подожди-ка! Она ещё одно письмо написала...

Другое послание было одновременно и исходящим, и входящим и гласило: «Танюша, я тебе там сюрприз оставила. Если что, вали всё на меня. Целую, Тамара».

– Мура́шева! К директору!

– Я Му́рашева, – прошептала Таня, а ноги сами понесли её к начальнику.

Шеф развалился в кресле, упершись пузом в Т-образный стол с закруглёнными краями. Если бы его кто-то сейчас сфотографировал из космоса, получилась бы жирная букашка с огромным приставным хером. В конце стола, как на острие атаки стояла бедная Таня.

– Мурашóва! – Шеф в очередной раз переврал фамилию Тани, но она не стала поправлять, – Это что за?! Мне звонит мой старинный клиент...

Тут Таня не удержалась:

– Это мой клиент. И он новый, это их первая сделка...

– Ты мне спорить будешь?! Тут все клиенты мои! Что ты

там им написала?

– Они первые начали...

– Да насрать, козочка моя, что они начали! Они бабки платят, так что будь любезна. Скажут плясать – пляши. Скажут сиськи покажи... Что это за... – он поводил мышкой по столу, – Тамара какая-то мутная?

– А давайте вам сейчас Тамара сама всё и объяснит, – с этими словами Таня вдруг обошла левое яйцо стола и приблизилась к шефу. Тот, не ожидая напора, откатился, расставшись со своим причиндалом, и стукнулся спинкой кресла о стену.

– Слышь ты, боров! – Тамара поставила ногу на стул шефа, как Жеглов Груздеву, – хлебало завали.

Шеф попытался протестовать, но Тамара надавила носком на нежные окончания.

– Я на тебя вджабываю три года, и на мне одной половина оборота висит, так что выучи-ка мою фамилию, это первое. – Тамара намотала на кулак галстук шефа, – кивни, если понял.

Шеф понял.

– Второе: мои клиенты – моё дело! Либо будешь, как нормальный капиталист, получать прибыль каждый квартал и радоваться, либо всё просрёшь, и в этом я тебе подсоблю. Не суйся, придурок, куда не шаришь. Завтра у тебя встреча с французами, не порть мне перед ней настроение! Третье. С этого месяца удвоишь мне зарплату.

Тамара убрала ногу с кресла, и шеф с наслаждением обхватил своё хозяйство ладошками.

– Ох и налил ты меня. Придётся пораньше на обед уйти, – сказала Тамара. Начальник не возражал.

– Тебе какую-то посылку принесли! – Сообщила Надя после обеда и прибавила шёпотом, – курьер сказал, это для Тамары Андреевны.

Коллеги так тянули шеи со своих мест, что аж привставали. За последние сутки Таня сделалась главным ньюсмейкером офиса, нечего сказать. Тем временем любопытная Надя разодрала упаковку.

– Танька! Это же настоящее? Это же столько денег стоит?

– О боже!

– Ты должна это надеть сейчас же!

– Нет!

– Не зли меня, тут девяностый этаж! – и Надя потащила Таню вместе с подарком в дамскую комнату. Через некоторое время они вернулись: Таня в новом костюме, пылающая от смущения, и Надя, подпрыгивающая от восхищения.

– Хватит на меня пялиться, мне работать надо!

– Работай, кто тебе не даёт-то?... А дашь мне померить?

– Мурáшева! – К столу Тани, перекатываясь, приближалась главная бухгалтерша, потрясая каким-то документом. Приблизилась. – Что это за траты на семьсот тысяч?

Таня заглянула в бумажку. Это был счёт-фактура от поставщика спецодежды с одной лишь позицией, но какой:

1. Костюм раб. ж. Chanel (фр.) р-р. 44-46, 1 компл. цена 745 829 р. 00 к. в т.ч. НДС.

Оставалось сложить воедино рожу бухгалтерши, подглядывающего из-за стеклянной перегородки шефа и сумму счёта. Вот, значит, о каком сюрпризе писала Тамара.

– Я жду! – бухгалтерша напирала на Таню, но это Тани здесь уже не было.

– Ко мне какие претензии?! Этот (кивок на кабинет шефа) одобрил, ты проплатила. А мне для работы нужен спецкостюм. Что? Я же не прошу каску и рукавицы!

Возмущённая бухгалтерша заквакала, словно подавилась комаром:

– Вы... Вы... Это... Вернёте!..

– Мне раздеться? – и Тамара вскочила на стол. Шеф за стеклянной перегородкой поспешил опустить жалюзи. – Снять всё с себя, да?

Надя смотрела на подругу с обожанием. Коллеги с любопытством. Бухгалтерша с ужасом. Тамара сняла жакет и водила им в воздухе, как пистолетом:

– Я и так пошла себе наперекор! Цвет-то не тот, я хотела розовый! Юбку снимать?

Бухгалтерша поспешила свалить. Коллеги вдруг заинтересовались своими мониторами. Шеф помалкивал в своей глухой коробке.

«То есть, ты вообще ничего не помнишь?» – Надя изображала трудовое рвение, а сама пыталась Таню в мессенджере с рабочего компьютера.

«Нет, я помню... Немного...»

«Так она тебе мешает или помогает?»

«Я не знаю! Она вчера позвонила маме и высказала всё накопившееся. Мама теперь трубку не берёт... А Тамара мне пишет, чтоб я не волновалась, дескать, через пару месяцев уляжется.»

«Значит, ты её не контролируешь?»

«Как это не контролирую? Что ж я, психическая по-твоему?»

Вдруг офис огласил резкий окрик:

– А ну-ка повтори! – и один из двоих парней возле кулера захлопнул рот, аж зубы лязгнули. Через мгновение рядом с ним очутилась Тамара.

– Я ничего не говорил... – промямлил парень.

– «Трахать её некому», – напомнила Тамара, наполняя себе стаканчик, – про кого это?

Парень испытывал затруднения с ответом.

– Думай, Тимоша! – сказала Тамара, вылив ему на голову стакан воды.

– Что ты делаешь? – взвизгнул Тимоша.

– Ничего, – ответила Тамара, набирая следующую порцию. – Так ты тут у нас спец по половым вопросам? Вни-

мание-внимание! Тимоша-который-живёт-с-мамой решает, кому с кем трахаться!

– Тебя не касается, как я живу! – Взвился Тимоша, – И не надо со мной говорить таким голосом!

– О'кей! Я ещё умею голосом Эраста Гарина, – и Тамара изобразила старого короля: – Зо-олушка! А-абасралась? Как ты, Тимоша, любишь говорить? Ваше дело бабье – делать, что мужики скажут? А знаешь, я нечаянно грохнула те самые таблицы. Я же ж баба, у меня ж мозгов хватает только, чтоб полы мыть да из ведра не пить. А ты их себе не сохранил? Жаль...

Концерт закончился, когда Тамара заявила, что устала на сегодня от харрасмента в офисе и потому уходит домой пораньше. На прощанье она напонила Тимоше, что их офис находится на девяностом этаже башни «Федерация», и лучше вести себя хорошо, если Тимошу не интересует вылететь с девяностого этажа.

Утром она в одностороннем порядке разрешила себе подольше поспать.

– Блин, ну если я скидываю, неужели не понятно, что я не хочу говорить?

– Просто у нас вечером встреча с французами, а до вас не дозвониться... – шеф изо всех сил старался подбирать слова, чтоб общаться с Таней на равных, – Будто вы меня избегаете...

– Я тебя не избегаю, я тебя дозирую.

– А почему это вы... – но тут он не решился развивать тему и примолк.

– Почему я разговариваю мемами?

Шеф многозначительно сопел, но на рожон не лез.

– Не дрейфь, директор! Всё по плану: в пять в лобби. Учи условия сделки и не лезь ко мне, я-то, в отличие от тебя, готова.

Таня явилась к назначенному сроку. Снова в Шанель, но на этот раз в розовом. Шеф не заметил – уж очень трясся. Он так и сяк поглядывал на Таню, всё прощупывал и угадывал её настроение. Наконец, ни разу не посланный к чёрту, и даже удостоенный дежурной улыбки, он успокоился и преждевременно расслабился.

В переговорной комнате витал испанский стыд. Было неловко всем, кроме шефа. Он искал храбрости в вине, но перестарался и сделался бесстрашным, как Д'Артаньян. Французы каждый раз с ужасом ждали, чего он ляпнет и как это переведут. Прошёл час, а о делах ещё не говорили.

– Сейчас господин директор думает, что очень удачно пошутил, поэтому я прошу вас подыграть ему и посмеяться, – перевела Таня.

Французы изобразили любезный смех и показали большие пальцы.

– На самом деле это была идиотская шутка, высмеивающая одновременно французов и женщин, – продолжала Та-

ня. – Так что вы поменьше слушайте этого мудака. Давайте лучше я расскажу, где в нашей сделке он облажается, а вы потеряете свои деньги и репутацию.

И Таня рассказала изумлённым гостям под одобрительные жесты шефа, как он пообещает сделать всё за тридцать дней, затем месяц будет жевать сопли, а потом станет валить вину на нерадивых подчинённых, например, Таню. В паузах она просила французов хорошенько кивать, будто они всё одобряют и на всё согласны.

– Прошу вас вежливо с ним попрощаться. Не расстраивайте его, сделайте радостные лица, ведь сегодня вы уже остались в плюсе.

Пока счастливый шеф висел на шеях дорогих гостей и пытался каждого обслуживать, Таня договорилась дать сделке новый ход, но уже без лишних участников. *Pas besoin de violoniste* – скрипач не нужен.

– Э-э-э... Танюша, – начал шеф, расставшись, наконец, с деловыми партнёрами. – Давайте на минутку поднимемся... В честь удачного... – и, прежде чем Таня успела опомниться, они очутились в лифте.

– Только не подумайте ничего такого! – выговорил шеф еле послушным языком, и парализованную страхом Таню почему-то это вполне успокоило. Утешаясь тем, что «такое только в плохом кино бывает», она позволила довести себя до номера.

Шеф распахнул двери и галантно, насколько это доступно человеку, всадившему в себя бутылку водки, втолкнул Таню внутрь. В номере всё было готово. Шампанское, закуска, кровать. Таня почувствовала приближение обморока. Собрав последние силы и волю, она пролепетала какую-то чушь и ускользнула в туалет.

– Алё, Надя, я в беде! Он затащил меня в «Новотель». Я на восьмом этаже в люксе...

– Я ещё в Москва-Сити! Я бегу к тебе! Полицию звать? Алё! Алё! Ты пропала!

Таня не пропала, просто она на минуту потеряла дар речи. Из туалетного зеркала на неё смотрела не Таня.

– Привет! – сказала Тамара, улыбаясь, – Ты уже догадалась, что сейчас будет? Воу-воу-воу! Начальник подкатывает кокушки!

– Я не знаю, что делать! – заплакала Таня.

– Думай! Или мне всю жизнь за тебя решать?

– Я не могу! – Таня себя знала.

– Ты, девочка моя, и не такое можешь. Думаешь, кто твоего козла только что французам слил? Это была ты.

– Я?

– А кто же ещё? Я французского не знаю. – Тамара приблизилась к своей стороне зеркального стекла, – А теперь задницу поднимай и вперёд! Гоу-гоу-гоу!

Когда она вышла из уборной, шеф был уже без рубашки.

Он безуспешно возился с бутылкой шампанского. Таня поставила на стол сумочку и села на кровать. Шеф воспринял этот жест с энтузиазмом.

– Так может мы... это самое...

– Снимай штаны, ковбой, – разрешила Таня. Ковбой засуетился. Сейчас у него получалось получше, чем с шампанским, но некоторые моменты ему нужно было подсказывать. – Не спеши, глупыш. Там, в моей сумочке... эти штучки. Понимаешь, о чём я?

Шеф мигом догадался, о чём она. Сопя, он принялся копаться в сумочке, от волнения туго идентифицируя предметы.

– А знаешь, я передумала, – вдруг сказала Таня.

– А? – не понял шеф.

– Ну, я молодая красивая девушка. Успешная. Ты старый козёл, неудачник. Потерял бизнес, правда, ты об этом ещё не знаешь. Сейчас у тебя гемор начнётся, плюс развод ещё...

– Всмысле?

– А я себя не на помойке нашла... А! – будто вспомнила Таня, – достань телефон!

Танин телефон смотрел на шефа из бокового кармашка сумочки тремя своими глазами. Шеф достал его и машинально повернул к себе. Экран высветил всё, что было нужно: «Жена шефа. Видеовызов».

– Кури бамбук, – сказала Таня, и в этот момент дверь номера затряслась от ударов. В комнату ввалилась Надя со

смартфоном наперевес и менеджером отеля за спиной:

– Я снимаю! Он приставал к тебе?

Пару минут спустя шеф в незастёгнутых штанах и с комком одежды в руках покинул номер под неодобрительными взглядами персонала. В номере остались Надя, взвинченная, как чихуахуа, и Таня, холодная, как огурец.

– Знаешь, я считаю, это очень любезно со стороны бывшего начальника подарить мне на увольнение люкс в гостинице с шампанским и закуской. – Сказала Таня. – Отметим?

ЛЁГКИЙ МИЛЛИОН

– Мне не нравится, что этот манекен смотрит на меня, как на простушку. Надо зайти, разобраться.

Совсем недавно супруги Смирновы опасались быть выставленными за дверь приличных заведений. Здравое оценивая свой скромный достаток, они провели чёткую границу между собой и миром белых скатертей. Край небоскрёбов и роскошных вилл даже на виднелся на горизонте. Он внушал животный страх перед тем, сколько денег стоит каждое с ним соприкосновение. Попасть бы сперва в мир обуви по сезону, ужинов не из лапши и отпуска не в кредит. Смирновы стеснялись ресторанов, автосалонов и магазинов с эскалаторами. Манекены, живущие в стеклянных витринах, пусть и одетые только в нижнее бельё, казались существами более высокой ступени иерархии.

Спустя час Марина вышла из бутика уставшая, но удовлетворённая.

– Ничего нового. У меня такое либо уже есть, либо нафиг не надо. Я бы съела чего-нибудь. Угостишь меня ужином, красавчик?

Последние полгода Кирилл и Марина пристрастились к лучшим местам. Перестали экономить на гардеробе, бензине, косметике, развлечениях. Сын в платной школе, у дочери

няня. Отдых в Турции теперь был не для них – стали как-то раздражать простолюдины. Мы можем себе позволить что-нибудь получше. Ах, мечты-мечты, всё равно никуда не поедem, кто же за нас будет работать.

Работы и в самом деле было невпроворот. Смирновы напали на золотую жилу. Повезло подцепить большой контракт и, что не могло не радовать, с честью его реализовать. Кирилл и Марина являли собой блестящий пример сыгранного дуэта, плечом к плечу двигаясь к успеху, всё дальше от времён тяжёлой нужды.

Денег стало много, как никогда раньше. Смирновы закрыли ипотеку и прикупили про запас квартиру в новостройке «для вложения». На их счетах лежало достаточно средств, чтобы приобрести ещё несколько квартир, если уж измерять успех в них.

Продолжение сладкой жизни – вот что если не тревожило, то очень заботило прагматичных Смирновых. Кормилец-контракт скоро кончится, а новый не предвидится – поменялся рынок. Не будет больше баснословных доходов. Самое время думать, как сберечь и приумножить нажитое.

Смирновы не транжирили. Им ничего не стоило удержать себя от покупки, например, нового автомобиля: глупо брать то, что дешевеет с каждым днём, соглашались они друг с другом. Они умели жить скромно, без кутежей. Надо сказать, что и частые рестораны, и няня стали для них не роскошью, а необходимостью: работа не оставляла времени на домаш-

ние хлопоты. Кроме любви, детей и дела их сближала достойная цель – хорошенько потрудиться, пока молодые, чтобы хорошенько отдохнуть потом. И напутешествоваться, и всё остальное. Марина сможет заняться писательством, в декрете у неё проявился талант сочинять забавные истории, и Кирилл тоже чем-нибудь займётся, ведь так легко – выбрать занятие по душе, когда сможешь себе это позволить. Средства к этой цели они неустанно искали.

– Есть интересная тема! – сказал Кирилл, закинув официанту в ведёрко, что полагалось за ужин, и щедрые чаевые в придачу.

– Жги! – одобрила Марина.

– Я сейчас мониторию сайты, где продают всякое имущество должников. Там квартиры в полтора раза дешевле рынка! Это золотое дно – покупаем и тут же продаём дороже.

– И что, каждый дурак может вот так купить квартиру в полтора раза дешевле?

– Нет, только такие дураки, у которых есть несколько свободных миллионов. Это как мы с тобой.

– Так что же мы тут сидим? Бегом домой к компьютеру!

Как молодожёны в первую брачную ночь подводят счёт подаркам, воодушевлённые Смирновы забыли, для чего положена супружеская постель. Дело есть дело. К рассвету бизнес-план был утверждён.

– Кир! А как ты думаешь, каково этим людям? – спросила Марина, засыпая.

– Каким?

– Ну, тем... должникам. Нам ведь придётся их выселить.

Вот и настала пора ответить самим себе на этот щекотливый вопрос.

– Не знаю... Я тоже думал об этом... Наверное, им несладко, но что поделаешь? И потом, это же не мы, это, по сути, банк их выселяет...

– Но всё-таки получается... – Марина не договорила. Она отвернулась, чтоб не заплакать на следующем слове.

– Знаешь, нас с тобой и наших детей никто не пожалеет, если что-то случится, – продолжал Кирилл, – Я даже предлагаю сходить на какую-нибудь квартиру. С двумя целями. Во-первых, может, она убита в хлам, и там ремонта на миллион. А, во-вторых, посмотрим на этих людей. Проверим нервы, нам ведь нужно перешагнуть эту черту. Да?

Марина хрюкнула в ответ и выдала свои слёзы. Там, где хватило бы простой ласки, Кирилл, как и все мужья от Адама, принялся успокаивать свою голубку железной логикой: человек человеку волк, или мы едим, или нас едят. Марина кротко кивала, успокаиваясь в объятьях мужа. Конечно, умом она понимала, как он был прав.

Телефоны должников, разумеется, служба судебных приставов не даёт. Осталось идти в подходящую квартиру и стучать в дверь. Чтобы было легче, решили играть открыто. Дескать, мы раздумываем, брать ли ваше жилище с аукциона. Ничего личного, просто бизнес. Если не мы, так кто-то дру-

гой.

– Я не знаю, вам надо с папой разговаривать, – Смирновых встретила девушка студенческого возраста и разрешила войти.

Кирилл и Марина порадовались удаче – они попали на объект, и заволновались – что это за папа, без которого взрослая девушка не может просто показать помещения и ответить на пару вопросов? Но не терять же времени даром. Они отметили общий порядок, простой, но приличный ремонт, пол, двери, потолки – всё вполне себе ликвидно. Добрались и до папы. Он лежал на кровати с ноутбуком в руках.

– Здравствуйте! – сказали гости.

– Здравствуйте... – ответил папа.

– Папа, вот, люди пришли насчёт квартиры... – начала девушка.

Кирилл, раздосадованный тем, что хозяин не пожелал подняться, перебил девушку и оперативно изложил цель визита. Долго объяснять не пришлось. Папа раскусил непрощенных гостей, не дождавшись окончания.

– Совсем обнаглели, поганые стервятники?! Вон отсюда!!!

Счастье, что под рукой у папы не было ничего тяжёлого, а бросаться ноутбуком он не стал. Смирновы опомнились на лестничной клетке, когда за ними закрылась дверь.

– Как таких потом выселять? Неприятная будет процедура.

– Неприятная процедура – это колоноскопия. Всё осталь-

ное – рабочая процедура.

Тут пара заметила женщину, которая собиралась войти в ту самую квартиру, которую они только что бесславно покинули.

– А вы к кому? – спросила она.

На этот раз объясняться стала Марина. Женщина была спокойней «папы» и терпеливо слушала. Ровно до слов «Ему стоит быть чуточку любезней, мы же просто поговорить пришли». Затем она молча поставила на пол сумки, и принялась снимать рукавицы. Смирновы занервничали. К счастью, хозяйка освободила руки не для того, чтоб их распускать.

– ТРИ миллиона мы брали в ипотеку, – показала она на пальцах, – За десять лет мы заплатили ПЯТЬ миллионов, – показала на второй руке, – Сколько мы ещё должны банку? А?!

– Сколько? – робко спросили Смирновы.

– Ещё ОДИН миллион мы банку должны! – женщина поводила пальцем перед лицами Кирилла и Марины, – Муж спину сломал, ходить не может, я сама с работы ушла. Реабилитация все деньги съела, а они, сволочи, нас выселяют!

Тут и дурак бы всё понял, не только тот, у которого есть несколько миллионов. Чтобы не выглядеть совсем уж бессовестными, Смирновы на пару замямлили, что если не они, то всё равно кто-то купит...

– Всё-то у вас покупается и продаётся! Человеку инвалидность не дают, пособие не дают, а ипотеку плати! А нету у

нас ничего, один хлеб домой несую!

Кирилл и Марина покидали выгодную квартиру в оплётанном настроении. Ещё год назад сами пропускавшие ипотечные платежи, они прекрасно понимали несправедливость момента.

– Как она сказала? Брали три, заплатили пять, остался один? Как же так?

– Всё правильно. Считай, они же сначала несколько лет платили банку почти одни проценты.

Горячим сердцам не понять бездушных цифр. Не может ведь человек быть должником, взяв три и заплатив пять, это противоестественно. Поэтому грабители банков и вызывают у обывателей симпатию и сочувствие, по крайней мере, до тех пор, пока не попадутся.

– Кир, а сколько мы посчитали тут чистый заработок? Миллион?

– Да, ровно миллион.

– И долг у этих людей ровно миллион?

– Ровно миллион.

– Кир, ты ведь думаешь о том же, о чём и я?

Что же это получается? Может, супруги Смирновы просто не созрели для того, чтоб набивать карманы? Их ещё не испортила всепроникающая плесень алчности, сердца их не очерствели, а мозги не заржавели настолько, чтоб не найти более гуманного способа разбогатеть? Как мы уже знаем, самые жалобно-щемящие настроения приходили к Марине на

сон грядущий. Засыпая, она рисовала себе завтрашний день, которому суждено будет сделать этот мир капельку добрее.

И вновь они окажутся на пороге этой квартиры. Что-то неуловимое будет в их глазах и лицах, по чему хозяева сразу догадаются, что в этот раз перед ними не враги, а друзья. С измученного чела женщины за мгновение исчезнут морщины, и сама она будто помолодеет от радости, потому что сразу всё поймёт и немедленно впустит в дом. Не веря своему счастью, женщина кликнет дочь, и девушка выскочит в коридор, широко раскрыв глаза, и тоже сразу обо всём догадается, и зальётся слезами счастья. Все вместе они войдут в комнату отца и сообщат ему радостную весть. От волнения он уронит на пол ноутбук, но, о чудо, тут же сядет на кровати, чего не мог сделать уже полгода, и от этого его жена и дочь бросятся ниц и припадут к его слабым ногам. И, конечно, супруги Смирновы не смогут сдержать слёз и будут плакать в обнимку с хозяевами и разрешат постепенно отдавать долг, как только папа совершенно поправится и сможет вернуться к работе.

Марина поставила точку. На Мальдивах в перерывах между спа и «всё включено» хорошо пишется. Новогодние праздники, самый дорогой сезон, самый дорогой курорт. Теперь и такая трата стала приемлемой для семейства Смирновых. Скупать арестованное имущество должников, чтобы продать по хорошей цене, – неплохой бизнес, пока не придумается что-нибудь ещё. Марина, наконец, смогла заняться

сочинительством. Её свежая новелла «Нелёгкий миллион» станет заглавной для первого сборника.

Критики отмечают, что писательница Смирнова ставит себе высокую планку, это её творческое кредо. Все рассказы обладают острым сюжетом, глубокими характерами, нетривиальным повествованием и счастливым концом.

БАБУШКИН МАРКЕТИНГ

Известно ли вам, что девять из десяти бабушек регулярно испытывают страдания по поводу собственной ненужности? Каждую из нас посещают гнетущие мысли: «Горбатишься как дура в огороде, а никому твоя морковка не сдалась нахрен... Не буду больше ничего печь и солить, всё равно никому не надо, – или самое страшное: – Я продам эту дачу, раз никто не принимает её даров!»

Вдвойне обидно, когда наши дети покупают те же самые овощи в магазинах, в то время как плоды бабушкиных усилий бесславно пропадают в погребах.

Однако вы можете бороться с таким положением дел. Вам просто нужно найти подход к конечному потребителю, и я помогу вам. Уже десять лет я сбываю абсолютно весь свой урожай при том, что у меня не так много внуков.

Возьмём, к примеру, компот.

– Вам дать баночку с собой? – спрашиваете вы.

Бабушки, милые! Ну кому нужны эти трёхлитровые банки? Сколько же с ними возни: открыть, хранить, холодильник занимать, следить, чтобы не зацвело. А потом вы потребуете стеклотару назад – зачем? Молодым поколениям не нужны лишние хлопоты.

Я в шесть раз увеличила отпуск компота, когда догадалась

разливать его в полулитровые бутылки из пластика. И если раньше я слышала: «Ну куда оно нам?..», то теперь только: «О, давай!» Всего лишь поменяла объём – и какой результат.

Рассмотрим этот опыт шире, и вы увидите, какой потенциал хранит в себе приём смены формата.

Однажды я заметила, что молодёжь не любит чистить картошку. Другая бы на моём месте не обратила внимания на эту деталь и зря, ведь игра на привычках потребителя позволила мне и в этот раз значительно увеличить сбыт. Я стала выпускать картошку в максимально удобном виде – очищенную и сваренную, что называется «ready to use» – хоть на гарнир, хоть на сковородку, хоть в салат. И вновь успех! Усвойте этот урок. Нет ненужного продукта – есть неправильно подобранный формат.

Ещё одна уловка. Я выдаю очищенный картофель маленькими порциями – не больше четырёхсот грамм за раз. Спрос надо держать в тепле.

Теперь поговорим о потребительской психологии. Давайте рассмотрим, как вы одариваете внуков:

«Это вам всем от бабушки», – большая ошибка. Вот это обезличенное «всем». Гарантирую вам, что в большинстве случаев такой гостинец даже не раскроют. Вы добьётесь большего успеха, если сумеете заставить потребителей конкурировать за ваш продукт. С недавних пор я стала преподносить гостинцы так:

– Это тебе, а вот это – тебе. Не перепутайте!

И внуки не перепутают, будьте уверены: «А почему ему больше? А почему мне меньше?» – Используйте этот конфликт в своих интересах.

– В следующий раз и тебе положу! – отвечаю я, и внуки с нетерпением ждут следующего раза и сами просятся в гости.

Простейшие психологические приёмы применимы и ко взрослым.

– Возьмёшь капусту? – спрашивает обычная бабушка, и слышит в ответ:

– Да нет, наверное...

Бабушка сама виновата, потому что предоставила потребителю выбор «да» или «нет». Это никуда не годится.

– Что тебе положить – капусту или перцы? – спрашиваю я, смещая фокус выбора. Заметили? Я не оставляю варианта «нет», и поэтому от меня никто не уходит с пустыми руками.

Следующий секрет чумового сбыта – удобство для потребителя.

– Ой, мне не в чем всё это унести! – жалуется внук и уходит налегке.

Как на вашем месте поступит супермаркет? Конечно, предложит тележку. Подготовьтесь и вы. Пакеты, корзины, авоськи. И не успеет ваш потребитель открыть рот...

– А я тебе уже всё сложила! – ответите вы. – В мешок. Ой! Что такое? Там ещё место осталось? Давай я тебе вдобавок репу положу, – и вы сбываете до пятидесяти килограммов отборной бабушкиной снеди за раз.

«Так перегружать – они и вовсе приходиться перестанут», – скажете мне вы.

Не перестанут, если вы будете вести грамотную работу над брендом. Я с детства приучаю аудиторию к своему продукту. Даю кашу на завтрак – и сразу ставлю стакан: пей компот. Макароны с котлетами, и тут же – пей компот. Наливаю суп, а внуки уже сами спрашивают:

– А где компот?

Прокачивайте востребованность бренда, и вы никогда не услышите от своей родни: «Бабушка, мы такого не едим».

Хороших вам урожаев, дорогие мои, подписывайтесь на канал, ставьте лайки, а в следующий раз я расскажу, как каждый сезон легко реализую до ста килограммов кабачков и до пятидесяти пар шерстяных носков!

АЛИБИ (Без трусов)

Мы с парнями как-то раз качали в зале железо, как вдруг открылась дверь и на пороге появилась женщина. Ну, как женщина... На то, что это не мужчина, намекал только игривый цвет её пуховика.

Хорошенько оглядевшись, женщина откуда-то из-за спины достала оробелого мужичонку, никаким боком не качка, и втолкнула его в зал, прошипев: «Где???»

Чужеродный в этом зале мужичок, виновато обратился к публике:

– Пацаны, тут трусов вчера никто не находил?... Семейных... А?..

Ребята вытянули лица, мол, нет, братан, не видали.

Казалось бы, вопрос исчерпан, но взгляд мужика выражал такую неземную боль и мольбу, что даже самое чёрствое сердце... Короче, человека надо было спасать. Но как? Он смотрел на нас, а мы на него. Неловкость. А женщина тем временем потянула руку, чтобы ухватить мужика за воротник.

И тут наш Валера неожиданно спросил:

– Какие, говоришь, они были-то?

Как будто ожидавшийся голевого паса, мужик принялся радостно описывать свои семейники.

– Ага, так это твои, значит... – вывел Валера, и вдруг на-
кинулся на мужика с отборной руганью: – Ты дурак, что ли,
бросать их тут?! Здесь же дети занимаются, это же ДЮСШ!
Конечно, их уборщица выкинула утром, чтобы малыши не
видели! Срамота! Придурок! Дятел! Дебил!

В глазах мужичонки заблестели слёзы. Он глубоко и бла-
годарно моргал, внимая Валеркину брань, как бальзам, как
елей.

Женщина, развернулась и пошла, увлекая за собой неза-
дачливого спортсмена. Дверь закрылась, Валера посмотрел
на нас:

– Что тупите-то? Сами, что ли, никогда домой пьяные без
трусов не приходили?

– Нет...

– Ну так других-то не палите! Понимать надо. Солидар-
ность.

БЫЛЬ (быль)

Однажды родители пошли в кино, а детей оставили дома спать.

Мать настрого приказала не открывать никому дверей:

– Ночью по домам ходят цыгане и воруют детей, чтобы съесть.

– А если бабушка придёт? – спросили дети.

– Не придёт – она знает, что мы в кино.

И дети легли спать.

В полночь в двери постучали. Дети очень испугались, но не открыли. Тогда за дверью стали ещё сильнее стучать и нажимать ручку.

Младший хотел заплакать, но старший сказал:

– Не плачь. Скоро вернётся отец и убьёт цыган.

Тогда цыгане стали звать детей по имени: «Ди-и-ма! Лё-ёша! Откройте», и старший сказал младшему:

– Вот сейчас цыгане сломают двери – и мы выпрыгнем из окна. Найди себе сухие колготки.

Когда родители вернулись из кино, отец не стал никого убивать. Потому что это оказались не цыгане, а бабушка. Она узнала, что внуки одни, и придумала их навестить – хорошо ли спят. Потому что она любила их.

Когда всё прояснилось, все посмеялись и стали жить ещё

лучше. Только Лёша начал заикаться, а у Димы развился нервный тик.

ПЕРВЫЙ ДРАФТ

– А! Господин писатель! С наступающим, проходите. Мы как раз прочитали ваш рассказ.

– Понравилось?

– Давайте так... Будем считать, что это был первый драфт.

– Разве вышло плохо?

– Что вы! Никто не говорит, что плохо. Наоборот! Хорошо, но надо переделать.

– Я не очень понимаю...

– Потому что вот вы пишете... вот... Девочка замерзает... начинает жечь спички... ей являются видения... а потом на свет от этих спичек приходит бабушка девочки, забирает её, и они идут отмечать Новый год.

– Всё так. «Грустная и одновременно светлая история».

– Это хорошо, что вы строго по техзаданию писали, но ведь ещё там требовалось: «...о необходимости быть щедрым и сострадательным, помогать тем, кто слабее...»

– Конечно.

– А у вас с первых же строк посторонний мальчик даёт девочке туфли.

– Так ведь сострадание же.

– Нет, дорогой господин писатель. Тут как раз сострадание пропадает. Девочку должно быть жалко, а жалеть её в

туфлях гораздо сложнее, чем босую.

– А разве её не жалко, когда она мёрзнет?

– Жалко. Но не очень. А когда её находит бабушка – так и вовсе не жалко. Давайте-ка для начала, как мы проговорили, сделайте вашу девочку босой – поднимем ставки для саспенса.

– Может ей для саспенса пальцы петардой оторвать?

– Господин писатель. Если бы нам был нужен триллер – мы бы обратились к братьям Гримм.

– А вам что нужно?

– Душевную историю. Щипательную и спасительную. Можно с библейским смыслом, христианскими идеалами, религиозным экстазом.

– Любишь бога – получишь много?

– Ну вот, вы лучше нас знаете. Теперь по сценам. Что ваша девочка видит в видениях? Печку? Ладно, пусть будет печка. Затем – гусь с вилкой в спине...

– На гуся не смотрите, я его уберу.

– Зачем же?

– Я его временно вставил, чтобы место занять. Зомби-гусиный апокалипсис. Хотел потом заменить чем-нибудь нормальным. Разумеется, в конечном варианте его не будет.

– Нет-нет, гуся мы точно оставляем, это смешно! Пусть она голодная тянется к нему, а он исчезает: «Фух!» – комический элемент. Так... дальше ёлочка, ладно... а потом опять эта бабушка.

– Что не так с бабушкой?

– Бабушку надо убить.

– Что? Зачем?

– Лучше, чтобы девочка была сирота.

– Какая же она сирота при живом отце?

– Отец будет изверг. Это он выгонит девочку на улицу продавать спички, и если она не справится, то он её прибьёт. Так и напишите: «прибьёт»

– Но ведь вся история поломается. Как же счастливый конец? Давайте хотя бы так: злой отец в честь Нового года добреет, меняется; на него, я не знаю, снисходит ангел... И папаша находит свою дочь, и они идут домой. Получается у отца положительная арка.

– Ну и зачем это? Какую мораль читателям преподнесёт такая концовка?

– Семейные ценности.

– Не надо.

– Но почему?

– Такая история не запомнится. Не будет контраста. Всё хорошо, все разойдутся – будут жрать опять все праздники, а о боге никто не подумает.

– Ну, хорошо, давайте я сделаю, будто отец там или бабушка не сами идут на свет спичек, а это их ангелы ведут, например...

– А зачем нам эти посредники между богом и девочкой? И вы опять говорите о её спасении, а мы ведь с вами уже

решили, что она умрёт.

– И девочка умрёт?!

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.